

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ

Культурный капитал семьи как фактор социального поведения и социальной мобильности

На материалах исследования в провинциальном российском городе

А.В. ОЧКИНА

В статье поднимается вопрос о социальной самоидентификации, как элементе культурного капитала индивида и семьи, как фактора формирования культурно-образовательных стратегий современных российских семей. Эмпирической базой статьи стало исследование, проведенное автором в Пензе в сентябре 2008 – январе 2009 г. Основа методологии – воспроизводственный подход Д. Берто и концепция человеческого капитала. Биографический материал, включающий культурную и профессиональную историю предыдущих поколений, позволяет выявить основания социальной самоидентификации респондентов, факторы формирования культурно-образовательных стратегий семей. Понятия культурного капитала, социальной мобильности и жизненного успеха могут быть конкретизированы через содержание сложившихся в нашем обществе представлений о социальном статусе и его составляющих. Нельзя недооценивать значимость социальной самоидентификации, базовых ценностей и целей, с помощью которых россияне взвешивают свои жизненные достижения, для понимания социального поведения и стратегий социальной мобильности. В период 1990-х годов именно социальная самоидентификация у нас оказалась своеобразным «выпрямителем» социальной структуры, «совместителем» реального положения и значимости социальной группы и ее социального поведения. В основе этой самоидентификации лежал созданный в прежней экономической системе культурный капитал, а механизмом социального самосохранения стало воспроизводство моделей поведения в сфере образования и культуры в соответствии с социальным, а не экономическим статусом. Представления о ценности образования, стремление к профессиональной состоятельности и культурному развитию стали в нашей стране элементами культурного капитала семей, значимыми факторами формирования их социального поведения. Однако для эффективной реализации культурного капитала необходима определенная гармония субъективных и объективных факторов его формирования и воспроизводства. В частности, необходимо сохранять и совершенствовать социальные институты, способные предъявлять спрос на реальные знания и развивать соответствующую мотивацию.

Ключевые слова: социальная мобильность; социальный статус, социальное поведение; социальная структура; социальная самоидентификация; семья; провинциальный город; культурный капитал; образование; история семей

Неизмеримое богатство

Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развитие всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу.

К. Маркс

Несмотря на всю противоречивость становления постиндустриального общества, можно отметить как более или менее очевидный социальный факт возрастания значимости знаний и творческих способностей работников в современном обществе, в том числе и в экономике. Повышение человекоемкости производства заставляет рассматривать образованность, эрудицию, способности, ценностные ориентации и целевые установки людей не просто как характеристики работников, влияющие на стиль управления, но и как основные характеристики трудового потенциала, как серьезный экономический ресурс. С другой стороны, повышение роли индивидуальности в производственном процессе открывает перед человеком все большие возможности реализации своих творческих сил с позитивным социально-экономическим результатом.

Именно из этих предпосылок возникла идея культурного потенциала индивида как капитала. Позитивный социально-экономический результат реализации индивидуальных способностей в любой экономической системе неправомерно, как мне представляется, интерпретировать только как рост дохода. Гораздо полнее можно судить об эффективности подобной реализации по степени вертикальной социальной мобильности. Однако в этом случае необходимо говорить не только о созданном самим человеком на протяжении его жизни, но и о полученном в наследство культурном капитале и о том, как и каким образом каждый из нас может передать этот капитал своим детям. Именно поэтому, говоря об особом элементе общественного и индивидуального богатства – культурном капитале семей, необходимо рассматривать его как непосредственную предпосылку создания и результат использования культурного капитала индивида. Ибо в семье общественные отношения приобретают свою особую, конкретно-индивидуальную и непосредственно рабочую, мотивирующую форму, в которой осуществляется не просто первичная, но импринтинговая социализация детей.

Проблема накопления и воспроизводства семейного капитала имеет множество аспектов. Так, концепция культурного капитала семьи приобретает в последнее время все большее значение в изучении социальной структуры и социальной мобильности. Это связано с тем, что границы социальных групп становятся все менее четкими и более подвижными, значимость индивидуальных усилий для обеспечения социальной мобильности относительно возрастает при всей нелинейности и противоречивости этого процесса. Для России изучение культурного капитала семьи и процессов его воспроизводства – это еще и возможность выявить механизмы стабилизации социальной структуры, обеспечения преемственности в ситуации

интенсивных изменений последнего столетия, частых радикальных перемен и даже коренных ломок, одна из которых происходила на протяжении 1990-х годов.

Одним из следствий рыночных реформ в России стало обесценение культурного капитала людей, получивших высшее образование в СССР и реализующих свои целевые установки в соответствии с полученными знаниями, квалификацией и советскими социально-экономическими и культурными условиями. Это обесценение было связано не только и не столько с резким снижением (как абсолютным, так и относительным) уровня дохода и качества жизни образованных и высококвалифицированных специалистов. Обесценились, будучи объявленными «нерентабельными», сами целевые и ценностные установки относительно труда, карьеры, образования и культуры. Резко снизился статус значительной группы людей, но главное – были дискредитированы целые жизнеобеспечивающие отрасли – образование, здравоохранение, социальная защита, культура, наука и научное обслуживание и т. д.

Таким образом, созданный несколькими поколениями культурный капитал, оставаясь реально, согласно базовым потребностям общества, востребованным, для индивидов перестал в значительной степени быть капиталом в подлинном смысле слова. Первую половину 1990-х годов только социальная самоидентификация, своего рода «инстинкт» социального самосохранения, заставил целые группы людей сохранять жизненные, трудовые, экономические и социальные установки, связанные с их образованием и местом в социальной структуре. Они продолжали работать, поддерживать или даже повышать свою квалификацию, обеспечивать условия для образования и воспитания детей и, реструктурируя съезжившиеся бюджеты, выкраивать средства, необходимые для этого. Происходило стихийное сохранение культурного капитала, созданного в других экономических условиях, и одновременно спасение социальной структуры от деградации. В этот переломный момент именно социальная самоидентификация у нас оказалась «выпрямителем» социальной структуры, «совместителем» реального положения и значимости социальной группы и ее социального поведения. В основе этой самоидентификации лежал созданный в прежней экономической системе культурный капитал, а механизмом социального самосохранения стало воспроизводство моделей поведения в сфере образования и культуры в соответствии с социальным, а не экономическим статусом. Верность этой модели вопреки экономической ситуации и ее трансляция следующим поколениям стимулировали рост системы образования, сферы образовательных, культурных и информационных услуг. Таким образом, обесценившись экономически, советский культурный капитал сыграл важную роль в формировании реальной социальной структуры нового российского общества. И семья оказалась точкой сохранения социальной идентификации и структуры в соответствии с реальными потребностями общества.

Под культурным капиталом семьи в нашем исследовании понимается совокупность знаний, ценностных установок, культурных традиций и социальных связей, характерных для данной семьи и предоставляемых детям как базис их воспитания, обучения и, соответственно, профессиональной карьеры. Отмечу, что, на мой взгляд, ядром культурного капитала современных российских семей является высшее образование старших поколений, полученное после Октябрьской револю-

ции, осознание его ценности и стремление к повышению его качества для детей. Рыночные реформы заставили многое переосмыслить и от многого отказаться, но при этом стремление к социальному самосохранению, стремление предотвратить обесценение всех жизненных успехов заставило держаться за самое очевидное достижение – высшее образование. Именно это заставляло сохранять стиль жизни и отчасти структуру потребления, созданные ранее, независимо от их реальной доступности [Очкина 2004; Очкина 2006]. Поэтому из всех элементов семейного капитала я наиболее подробно остановилась на отношении к образованию, стремясь выявить его значение для формирования стратегий социального поведения и связанных с ними моделей воспитания детей.

Еще в 1970-х годах П. Бурдьё, развивая теорию воспроизводственной функции образования, отметил, что оно оказывает все более серьезное влияние на изменение социальной структуры [Бурдьё 2007]. П. Бурдьё обратил внимание на то, что родители с высоким уровнем образования создают особую среду для воспитания и развития детей. Это среда культурная, среда внутрисемейного общения, которая способствует раннему усвоению базовых знаний, эффективному еще и за счет положительного эмоционального фона. Это и определенная социальная среда, то есть сеть связей и знакомств, способствующих прямо или опосредованно воспитанию, образованию, а впоследствии профессиональному и служебному росту детей. Таким образом, дети из семей образованных и профессионально состоявшихся родителей имеют возможности самостоятельно совершенствоваться в сфере образования, добиваясь больших успехов, чем их сверстники, и получая, таким образом, лучшие карьерные возможности.

Получается такой замкнутый круг элитарности или даже своего рода оправдание неравенства, основанное на объективной социальной реальности. Развил способности, получил хорошее образование – получаешь лучшую по сравнению с остальными работу, имеешь больший доход, даешь лучшее образование своим детям и т. д. Неравенство от поколения к поколению накапливается, фактор материального и социального доступа к престижному и высококачественному образованию начинает доминировать над фактором способностей.

Замечу, что представление о прямой, строго положительной связи дохода от уровня образования, квалификации и профессиональных достижений не бесспорно даже для развитых стран, где такая зависимость значительно сильнее выражена, чем у нас. Так, например, заработная плата профессора вполне приличного американского университета может быть, конечно, выше, чем у водителя грузовика, но меньше, чем у менеджера супермаркета Wall-Mart. В России же несоответствие заработной платы уровню образования и квалификации намного сильнее. Эта диспропорция сложилась еще в советской экономике, которая не могла абсорбировать возрастающее количество специалистов с высшим образованием. Заработная плата отражала потребность рынка труда, на котором высококвалифицированный труд был избыточным, а физический, причем часто неквалифицированный, – в дефиците.

В условиях декомпозиции статусов, о которой я говорила в начале статьи, вопрос о значении и самом содержании культурного капитала семьи приобретает особую остроту и особое значение. Отвечая на вопрос «что есть образование, по-

лученное в семье, и с точки зрения индивида, и с точки зрения общества?», мы можем выйти на двойное понимание культурного капитала и использовать эту концепцию для объяснения многих очевидных несообразностей социального и даже политического поведения российских граждан.

Из личного опыта

...Индивидуальность есть как раз претворение в действительность в себе сущего... движение индивидуальности есть реальность всеобщего.

Г.-В.-Ф. Гегель

Поясню свое обращение к качественным методам в этом исследовании. Социология прежде всего изучает социальное поведение людей в различных сферах общества. А человек не является простой функцией социальной реальности хотя бы потому, что он способен ее оценивать и делать свой личный выбор. В принятии решений человек исходит не только из конкретных обстоятельств или текущих целей и потребностей, но и из своих убеждений, ценностей, надежд, опасений и т. д. То есть мотивация социального поведения индивидов включает в себя эмоционально-чувственные, ценностные и моральные компоненты. Иными словами, то, что трудно измерить и выразить с помощью только количественных методов. Тут необходимы и сопереживание, и сочувствие, и понимание и т. д. – то, что и предполагают качественные методы социологического анализа [Качественные методы... 2009].

Культурный капитал – это, как я уже сказала выше, не только и не столько *формальные* показатели квалификации, сколько *реальный* уровень развития личности. Так как личность развивается на протяжении всего жизненного пути, формируя свой культурный капитал, принимая его от родителей и передавая в том или ином виде детям, то наиболее эффективным из методов качественного анализа мне показался биографический метод Д. Берто, на который я и опиралась в своем исследовании.

Для того чтобы наглядно и образно показать, как именно формировалась и структурировалась для меня проблематика исследования, я воспользуюсь материалом собственной биографии. Выбор этот обусловлен отнюдь не какими-нибудь внешними по отношению к исследованию задачами – просто для рассматриваемой проблемы моя биография довольно показательна, типична для советского периода и несколько необычна для нынешнего времени. Я окончила вуз в 1989 г., который, с моей точки зрения, является своего рода переломным для процесса формирования стратегий социального роста и понимания жизненного успеха. В 1989 г. еще действовала инерция советского интеллигентского пути: вуз – НИИ или снова вуз – кандидатская и как венец карьеры – докторская диссертация. 1990-е годы сделали этот путь абсолютно непривлекательным, предложив иные возможности и перспективы.

Основное содержание культурного капитала, полученного мною в семье, – возможности для относительно раннего гуманитарного образования и развития навыков абстрактного мышления. Я выросла в семье философов. В дипломах моих родителей написано просто: «квалификация – философ», а не преподава-

тель философии, не специалист по истории философии или как-то иначе. Не так много я знаю людей, у которых диплом до такой степени определил стиль жизни и характер, как у моих родителей: они действительно философы – по профессии и по жизни. Никогда они не были теми, кого принято сейчас называть словом «трудоголики», просто философия была частью их жизни, в которой грань между жизнью и работой была весьма условной. С самого раннего детства, а не с семи лет, как большинство моих сверстников, я приучилась отмечать начало и окончание учебного года, причем эти события были для меня не менее волнующими, чем начало и конец года календарного. Самой любимой и чуть ли не единственной игрой в детстве для меня была игра в школу, я очень гордилась, что мама и папа учат не просто студентов, а будущих учителей: они работали в педагогическом институте. В раннем детстве я очень боялась Гегеля: на стеллаже около входной двери стояла книга из серии «Жизнь замечательных людей», и именно к портрету Гегеля апеллировала бабушка, когда хотела призвать меня к порядку. Так что с Гегелем я познакомилась почти в то же время, что и с основными персонажами детских сказок. В юности я пыталась его читать под наблюдением родителей. Я далеко не ас в классической немецкой философии, но Гегеля считаю почти родным – с детства знакомы.

Главным средством воспитания в семье было общение, обсуждение прочитанных книг, которые окружали нас с сестрой с самого рождения, беседы о фильмах, спектаклях и т. д. Дискуссии по поводу сущности тех или иных философских концепций мы с сестрой слышали в детстве и юности гораздо чаще, чем споры по поводу семейного бюджета, покупок, хозяйственных дел. Последние если и были, то не запомнились. А вот многое из того, что обсуждали родители между собой, с коллегами и друзьями, запомнилось на всю жизнь, дало толчок уже к самостоятельным размышлениям и выводам, к формированию самостоятельного мировоззрения. Этому способствовала и выработанная в семье привычка вербально выражать впечатления и эмоции, преобразовывать их в повествование, объективировать и анализировать, делать частью своих знаний и социального опыта.

Формально ни я, ни сестра не повторили профессиональный путь моих родителей. Правда, мы обе закончили тот же МГУ им. М.В. Ломоносова, а я работаю в том же вузе, где мама работала 35 лет, а папа преподает до сих пор. Тем не менее от родителей мы получили капитал, который нельзя потерять во время экономического кризиса, невозможно проиграть на бирже или потратить без следа. Можно, правда, не понять ценности этого незримого и неизмеримого капитала, и тогда им нельзя будет воспользоваться. Мы с сестрой поняли и оценили.

Но как оценить экономический и социальный эффект применения нами этого капитала? Наилучшее (по субъективным ощущениям) применение он нашел у сестры в науке, а у меня – в науке и преподавании. С точки зрения дохода и, пожалуй, статуса, эти сферы уступают многим другим. Но стал бы отказ от интересной и любимой с детства деятельности рациональным с сугубо экономической точки зрения поступком, выгодным вложением культурного капитала или, обернувшись потерей себя, мог бы быть и в социально-экономическом отношении серьезной потерей?

О понятии культурного капитала

Мы исходим из того, что в классовом обществе, в отличие от кастового или составного общества, желаемый статус не может быть просто передан от родителей детям: родители могут лишь обеспечить доступ или передать элементы (экономические, культурные, социопространственной локализации), с помощью которых этот социальный статус может быть сконструирован. Воспроизводство не несет в себе ничего механического – это процесс динамический.

Д. Берто, И. Берто-Вьям

Тут я подошла, наверное, к самому тонкому моменту в своих рассуждениях. Анализ собственной биографии и необходим мне был именно для его уяснения.

Мы пользуемся внутренне противоречивым понятием. *Капитал* – это категория капиталистической, рыночной экономики, ее характеристики неразрывно с этой экономикой связаны. И прежде всего это – требование неперемного финансового успеха. С другой стороны, накапливается и в определенной степени реализуется культурный капитал вне рыночной среды и не по рыночным (а то и по антирыночным) принципам. Это противоречие проявляется на уровне экономики и общества в целом, но может быть легче обнаружено, на мой взгляд, в анализе индивидуальной судьбы.

В словосочетании «культурный капитал» именно «капитал» является ключевым словом, обозначающим смысл и значение полученных индивидом знаний и умений в конкретных социально-экономических условиях. Иными словами, в рыночной экономике и в условиях социального неравенства культурный капитал может быть превращен в доход и статус, которые и должны стать его объективными измерителями.

Это, конечно, крайне прямолинейное толкование понятия «культурного капитала». Капитал ведь не вещь и деньги, а отношения между людьми. Такие отношения, при которых ценности могут использоваться не только для потребления или накопления, но и для производства других ценностей, для производства прибыли. Можно так рассматривать и культурный капитал семьи: как совокупность нематериальных ценностей – знаний, способностей, установок, уровня культуры и т. д., – передающихся от родителей к детям и т. д. и конвертируемых каждым поколением во все более высокий доход и статус. Разумеется, такое явление в обществе и в западном, и в нашем можно зафиксировать. Но только как тенденцию, с рядом необходимых оговорок.

Как я уже отмечала выше, не существует прямой зависимости между уровнем сложности и квалификации труда, между талантом и профессионализмом исполнителя, с одной стороны, и уровнем оплаты, уровнем дохода – с другой. Заработная плата зависит от региона, отрасли не в меньшей, а часто и в большей степени, чем от уровня квалификации работника. В каждой конкретной отрасли зависимость между сложностью труда и заработной платой так или иначе восстанавливается, но заработная плата непосредственно зависит от должности, а не от квалификации,

уровня образования и уж тем более – не от уровня общего развития исполнителя. Разумеется, для того чтобы занять определенную должность, необходим определенный уровень образования, подтвержденный соответствующим сертификатом. Сертификат же отражает формальный уровень, а не содержание, качество и личные достижения исполнителя. Занятие той или иной должности предполагает действия, связанные с внутрикорпоративными правилами, выполнение которых часто оказывается важнее, чем профессиональный и образовательный уровень работника. И заметим, ловкость и успешность в выполнении внутрикорпоративных правил весьма опосредованно связаны с талантом и квалификацией исполнителя, а иногда и вступают с ними в очевидное противоречие [см., например, Радаев 1998].

Кроме того, говоря о культурном капитале как факторе социально-экономического продвижения индивида, мы предполагаем устойчивый спрос на высококвалифицированных специалистов, обеспечивающий оплату их труда пропорционально уровню образования и квалификации. А если такого спроса нет, точнее если он резко сократился и резко снизилась готовность общества платить за высококвалифицированный труд? Обобщу вопрос, который я задала применительно к своей биографии: в какой мере мы можем говорить о потере культурного капитала в этом случае, одинаковы ли содержание и последствия этого процесса для индивида и общества? И в какой мере мы можем считать семейные связи культурным капиталом и каково его значение для индивида и общества в том случае, если эти связи позволили индивиду занять определенную должность и положение, независимо от знаний и способностей?

Сокращение реального спроса на высококвалифицированных специалистов в постсоветское время и все более заметное снижение требований к интеллектуальному и творческому потенциалу работников не сопровождалось у нас сокращением спроса на сертификаты об образовании со стороны работодателей и потребности в таких сертификатах со стороны населения. Сейчас много пишут о коррупции, снижении качества образования в школах и вузах, формализации мотивации к получению образования, отсутствию у студентов реальной потребности в знаниях [см., например, Артамонова, Богословская, Латов 2006; Очкина 2007].

Эти явления, на мой взгляд, непосредственно связаны как с этой диспропорцией, так и с отсутствием последовательной и обеспеченной ресурсами готовности со стороны общества реально использовать образование, квалификацию, интеллектуальный потенциал специалистов, занятых в социальной сфере, остающейся по преимуществу бюджетной и недофинансируемой.

Ответы на эти вопросы и должно было дать предпринятое мною исследование.

Условия и факты исследования

В столице, этой пустыне людей, каждый ценен лишь сам по себе; в любом другом городе каждый стоит того, чего стоит его «род».

Ф. Мориак

Эмпирический материал был собран в ходе исследования, проведенного мною в сентябре 2008 – январе 2009 гг. в Пензе.

Цель исследования заключалась в том, чтобы выявить, каким образом культурные традиции семьи позволяют различным поколениям создавать и накапливать культурный и образовательный капитал, как он характеризуется людьми через определение ими своего социального статуса и оценку жизненных достижений. В качестве методологии исследования был выбран подход французского социолога-антрополога Д. Берто [Берто, Берто-Вьям 1992]. Я вслед за ним положила в основу своей методологии историю семей – очень перспективный метод, который позволяет, на мой взгляд, использовать все возможности качественного анализа. Были внесены коррективы в подход Берто, которые адекватны, во-первых, цели исследования, а во-вторых, созвучны социально-исторической ситуации в нашей стране. Берто предлагает метод сравнительного анализа, при котором он изучает истории семей, объединенных некоторым общим признаком. Так, для него это – социальное положение бабушек и дедушек.

Сам по себе принцип социальной общности респондентов был необходим для целей моего исследования, однако особенности процессов в российском обществе, их динамизм и глубина социальных трансформаций делают этот признак практически бесполезным с точки зрения целей нашего исследования. Поэтому первым объединительным признаком при отборе респондентов стало высшее образование. Этот выбор связан с нашим предположением, что в том временном пространстве, которое мы хотим захватить в интервью, именно высшее образование было решающим фактором перелома статуса.

Я исходила из соображения, что в XX в. накопление семьями культурного капитала было связано с массовым вовлечением людей в систему образования, в том числе и высшего. И что система образования – общего, среднего и дополнительного – до сих пор является важным механизмом воспроизводства культурного капитала семей наряду с внутрисемейным общением, совместным досугом, моральным и интеллектуальным климатом, развитием семейных традиций и т. д.

Всего мною было проведено 50 структурированных полуструктурированных интервью. Обязательными признаками при отборе респондентов были следующие: высшее образование, возраст, наличие хотя бы одного ребенка старше 18 лет. Центральными при разработке программы исследования были понятия культурно-образовательных стратегий семей и культурного капитала семей. Под культурно-образовательными стратегиями семей понималась совокупность относительно устойчивых диахронных (от поколения к поколению) ценностных и поведенческих установок в семье по поводу приобретения того или иного образовательного или культурного статуса.

Вопросы интервью касались не только респондента лично, но и его родителей, бабушек и дедушек, его детей. Интервью состояло из шести блоков и включало помимо раздела о социально-демографических данных следующие разделы. Во-первых, предысторию, в которой респондентам предлагалось рассказать об уровне образования и занятиях бабушек и дедушек с материнской и отцовской стороны. Во-вторых, историю, в которую входили вопросы о родителях, их образовании и карьере. Третий блок был посвящен вкладу родителей в образование и карьеру респондентов, культурному климату в семье. В четвертом блоке интервью предлагались вопросы о сегодняшнем положении респондентов, пятый и шестой по-

свящались их детям, супругам, друзьям. Основное содержание вопросов – образование, его уровень и содержание, влияние на жизнь и карьеру, стратегия поведения в сфере образования, усилия, предпринимаемые для обеспечения образования и карьеры детей.

Еще одним показателем, объединяющим респондентов, стал возраст – от 41 до 55 лет. Во-первых, это период активного делания карьеры. Во-вторых, эти люди были поставлены в 1990-е годы перед выбором: сохранить прежнюю работу в условиях резкого снижения ее доходности и престижности или открыть собственное дело, сменить профессию, руководствуясь соображениями дохода и (или) престижа. Они должны были выбирать, сохранить ли прежние профессиональные принципы и требования или приспособиться к новым условиям, в которых ими можно поступиться ради увеличения дохода или просто выживания. Они могли преуспеть благодаря полученному в советское время высшему образованию или независимо от его уровня, качества и даже личных интеллектуальных способностей. А могли и потерять все преимущества, связанные с получением высшего образования.

И этот выбор делался не только под давлением внешних обстоятельств, не только на базе сложившихся к определенному моменту социально-экономических условий, но и на основе опыта, сложившихся ценностей и представлений, в том числе относительно образования, профессии, культуры, содержания социального статуса и критериев жизненного успеха. Иными словами, представители этой возрастной группы были поставлены историческими условиями последних десятилетий в такую ситуацию, в которой их социальный опыт и статус, жизненные ценности и ориентиры, знания, умения, уровень культуры имели такой же (или, по крайней мере, сопоставимый) вес для принятия решения, как и внешние обстоятельства. Особые обстоятельства и содержание этого выбора можно, как мне представляется, рассматривать как дополнительный фактор общности для выбранной нами группы в контексте цели исследования.

Необходимо сказать также и о городской среде, в которой производилось исследование. Пенза представляет собой крупный индустриальный город, выросший и развившийся в основном после Второй мировой войны, его можно отнести к крупнейшим городам (численность населения на 1 января 2009 г. – 507 000 человек). Пенза – город с преимущественно русским населением, самые крупные этнические общности после русских – татары (приблизительно 7% населения) и мордва (приблизительно 6%).

Пенза росла и развивалась в такт индустриализации, работники для строившихся предприятий прибывали в основном из сельских районов области. Об этом свидетельствует и динамика численности населения. Так, население области с 1939-го по 2006 г. уменьшилось в 1,19 раза (с 1 649 000 в 1939-м до 1 379 839 на 1 января 2009 г.). При этом сельское население сократилось в 2,95 раза (с 1 363 800 в 1939-м до 461 939 на 1 января 2009 г.), а городское увеличилось в 3,2 раза (с 285 200 в 1939-м до 917 900 на 1 января 2009 г.). По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., Пенза занимала по численности населения 29-е место среди 168 крупных городов Российской Федерации (<http://www.regnum.ru/allnews/11418html>).

Интеллектуальное развитие города также следовало непосредственно за индустриализацией, удовлетворяя потребность в специалистах, главным образом в инженерно-технических кадрах, учителях и врачах для быстро растущего населения. Первым вузом в Пензе стал учительский институт, преобразованный в 1941 г. в педагогический. В годы Великой отечественной войны настоятельной стала потребность в инженерных кадрах, и в 1943 г. был открыт индустриальный институт, который был преобразован в 1958 г. в политехнический институт. В том же году один из филиалов политехнического института выделился в самостоятельный вуз – инженерно-строительный институт. В 1960 г. при заводе счетно-аналитических машин был открыт завод-втуз (на тот момент один из пяти в стране) как филиал политехнического института, ставший технологическим институтом ПГУ. В 1957 г. создан филиал Всесоюзного заочного финансово-экономического института.

Таким образом, сегодняшняя пензенская интеллигенция сформировалась преимущественно вместе с развивающейся и обогащающейся городской средой, сложилась из людей, воспользовавшихся возможностями послевоенного развития, обязанных своим положением развитию системы доступного высшего образования и собственным усилиям. Динамика профессионального состава пензенской интеллигенции отражала социально-экономическое развитие города. В период послевоенного промышленного развития значительную часть интеллектуального слоя города составляли специалисты с техническим образованием, последующая деиндустриализация 1990-х годов и переориентация системы высшего образования привели к значительному росту доли специалистов гуманитарного профиля.

В 1990-е годы развитие города переместилось в иные сферы. Промышленные предприятия разорялись и закрывались, из двух с лишним десятков НИИ осталось три. Зато бурно развивались торговля, сфера услуг, банковская система, как и система высшего образования. Институты становились университетами и академиями, открывали новые факультеты и специальности, увеличивали прием студентов. Возникали диссертационные советы, новые кафедры, факультеты и институты при университетах и академиях. Однако экономика города, хотя и могла обеспечить молодых людей рабочими местами (по крайней мере до кризиса), не предъявляет высоких требований к уровню образования и квалификации. Культурно-образовательные стратегии молодые люди строили, во многом опираясь на опыт и поддержку родителей, ориентируясь на представление о высокой жизненной ценности образования, сформированное в семье. Именно поэтому представления и идеалы родителей, на мой взгляд, можно также рассматривать в качестве элементов культурного капитала семьи, переданного детям.

Высшее образование как элемент культурного капитала

Чему бы ты ни учился, ты учишься для себя.
Петроний

Я хочу представить обобщенный анализ полученных данных, с помощью которого постараюсь ответить на несколько вопросов. Во-первых, в какой степени

респонденты воспринимают уровень и характер своей образованности, свое культурное развитие как фактор социальной мобильности и жизненного успеха. Во-вторых, в какой степени они ориентируются при определении своего социального статуса на уровень дохода, должность, престижность деятельности. И в-третьих, каким образом они готовы обеспечивать профессиональный и социальный старт детям. Я стремилась выявить, иными словами, содержание и значение культурного капитала семей как субъективного и объективного факторов социального развития.

Все респонденты оценивают получение высшего образования как большое жизненное достижение, поворотный момент в жизни. Те, кто невысоко оценивает профессиональные достижения и карьеру своих родителей, в качестве главной (а в большинстве случаев – единственной) причины невысоких профессиональных достижений называют недостаток образования. Все отмечают положительное отношение родителей к решению их детей о продолжении образования, многие говорят о поддержке родителей. Однако большинство респондентов отметили, что выбирали профессию самостоятельно, родители никак не влияли на этот выбор. Почти никто из респондентов не высказал мысль о том, что высшее образование они получали напрасно, хотя некоторые имеют сейчас работу, не связанную с полученной специальностью.

Все без исключения респонденты говорили о том, что получение высшего образования повысило их социальный статус, обеспечило живое и интересное общение. Многие говорили о возможности заниматься любимым делом, жить интересной и наполненной жизнью. Встречались и более подробные и конкретные обоснования ценности высшего образования. «Я не только узнал много о той области, которая меня интересовала, но и научился наблюдать и записывать наблюдения, систематизировать знания, работать с информацией, а главное – получать удовольствие от узнавания чего-то нового», – так сказал учитель географии, проработавший в школе более 25 лет и обожающий свою профессию. «Путь к единственно привлекательной для меня профессии лежал через высшее образование. Но в процессе учебы мне были интересны не только специальные предметы. Я получила руководство к самообразованию в некоторых областях, самой было бы сложно даже начать. И кое-какие сведения, чтобы разбираться в жизни, это всем нужно», – делилась врач-гинеколог, увлеченная своей профессией. «Я всю жизнь больше всего любила читать. И меня интересовали тайны языка – почему слово пишется так, а не этак, как произошли слова и т. д. Вот это и стало моей профессией. Мое образование – возможность заниматься любимым делом как работой. Что-то может получаться, а то-то – нет; где-то и недоплачивают нам, но любимое и интересное дело при мне. Работа меня никогда не тяготила», – рассказывает филолог, доцент педагогического университета. «Формулировать вопросы – вот в чем мне помогло высшее образование», – утверждает журналист с филологическим образованием. «Ремеслу-то я учился, когда уже работал, в вузе много было лишнего. Азам еле-еле научили. Но вот историк у нас был изумительный и преподаватель философии хороший, я к нему на кружок ходил. С тех пор много читаю исторической литературы, можно сказать, хобби приобрел. Жена поначалу удивлялась: все на рыбалку, там пиво попить с друзьями – а я с книжкой. Потом привыкла и

радуется даже, хотя я на книги до сих пор много трачу. Детей приобщил к своему увлечению», – делится инженер, начальник отдела в НИИ

Респонденты, сменившие в ходе рыночных реформ профиль деятельности и преуспевшие на новом поприще, также отмечали полезность для себя полученного образования. В ряде интервью людей, открывших в 1990-х годах собственное дело и сменивших в связи с этим профиль деятельности, высказывалось убеждение, что высшее образование было необходимо, даже если бы для развития дела надо было бы получить второе. «В вузе я узнала многое, что потом очень пригодилось, а изучать самой было бы сложно и некогда», – говорит экономист, руководитель собственной консалтинговой фирмы. «В вузе я научился думать и работать с текстами, без этого я не смог бы так быстро и при такой занятости на работе освоить то, что мне было нужно в моем бизнесе. Я же для дела учился, не для корочки», – рассказывает бизнесмен, владелец строительной компании, получивший в 1990-е годы второе высшее экономическое образование.

Женщина-предприниматель, работающая в торговле, очень подробно рассказала о том значении, которое имело для нее получение высшего образования. Позволю себе привести целиком ее высказывание. «Учеба в институте как мне помогла? Развила мозги, позволила узнать кое-что, я стала понимать людей. В деревне своей что я знала-то? Жизнь бывает разная, люди бывают разные – это тоже надо понять. Речь у меня развилась, кое-чего нахваталась. Мне потом многое пригодилось: и чтобы второе высшее получить (у меня экономическое), и чтоб решение принять, по рекламе, например. Да и много чего могу в разговоре упомянуть, все-таки я на историческом училась, разные факты запомнила, библиотеку неплохую историческую собрала, один преподаватель помог. А сейчас я с разными людьми встречаюсь, очень помогает мне моя начитанность впечатление произвести. Это я смеюсь, конечно, но правда в этом есть. Без таких знаний – не прямо для дела, а для души, что ли, для ума – и дела толком не будет. Опять-таки, у детей моих совсем другое начало в жизни будет, не то, что у меня. И не только потому, что денег у нас больше. Мы все-таки знаем и понимаем жизнь получше, чем наши родители».

«Язык я, конечно, забросила, хотя несколько лет назад была в Англии на стажировке, почти все восстановила, да и литературу специальную могу читать. Это очень выручало, когда переводной и отечественной литературы по профилю министерства еще не было, а нужно было делать много документов. Многому училась сама, вроде бы знания вузовские мертвым грузом лежали. Но то там вспомню, то тут закономерность поймаю – все-таки без этих пяти лет мне было бы гораздо сложнее. Когда человек пять лет только учится, это здорово потом на всей жизни сказывается», – считает работник областного правительства, бывший преподаватель английского языка.

Таким образом, люди, добившиеся успеха в профессии, высоко оценивают значение высшего образования для своей карьеры. Поскольку они связывают факт получения высшего образования со своими профессиональными и карьерными успехами, можно утверждать, что они включают все приобретенные за время обучения знания и впечатления в состав своего культурного капитала. Все то, что способствовало развитию их личности, выступило для них базой для соответствующей профессиональной деятельности, даже если непосредственно в ней не используется.

Обобщая оценки респондентами значения своего образования во всей его полноте и сопоставляя их со своим собственным опытом, хочу отметить скрытое или явное понимание людьми трех ипостасей культурного капитала: экономической (рыночной), индивидуальной (или групповой) и общественной (социально значимой). Эти ипостаси могут вступать в противоречие в том случае, если оплата за профессиональную деятельность не соответствует ее сложности и значимости и не обеспечивает полноценного воспроизводства личности профессионала. Ощущение такого противоречия проявляется отчетливо в двойственности социальной самоидентификации. «Статус, уровень образования, уважение окружающих, квалификация, должность – в резком противоречии с благосостоянием», – говорит филолог, преподаватель университета, которая вообще отказалась определить социально-экономическое положение своей семьи, ссылаясь на противоречие критериев. «Я на все понемногу ориентируюсь в определении своего статуса. Так или иначе, доходом нельзя ограничиваться, у нас тогда полная путаница получится: в верхи попадут отбросы общества, и наоборот. Если ты нужен обществу, люди в тебе нуждаются – у тебя высокий статус. А оплата – временный экономический факт», – утверждает врач-гинеколог, самая оптимистичная из участников опроса. В этом интервью довольно осознанно выражена мысль о социальном статусе как месте человека в системе общественного разделения труда, оцениваемого с точки зрения значимости его для развития общества в целом. Увлеченность респондента профессией позволяет ей пренебрегать несоответствием уровня своего дохода сложности и значимости своего труда, усматривая именно в содержании деятельности способ вознаграждения. Среднедушевой доход этой семьи – 12 тыс. рублей в месяц, преемственность профессии сохраняется на протяжении уже четырех поколений. «Мне и моей семье труднее жить от того, что у нас мало денег, но это не значит, что то, что я делаю, не нужно или, тем более, неинтересно. Я ничем другим не смог бы заниматься, хотя я и не пробовал», – рассказывает учитель географии.

Обращусь снова к своему собственному примеру, чтобы более наглядно пояснить, как именно для индивида может проявиться противоречие между этими тремя гранями культурного капитала. Окончание экономического факультета МГУ могло бы стать фактором моего благосостояния – среди моих сокурсников немало богатых людей. В 1990-е годы экономисты оказались очень востребованы. Но рынок труда в то время не предъявлял спроса на способности к абстрактному мышлению и на хорошее гуманитарное образование, то есть на то, что составляло ядро моего семейного культурного капитала. Конвертировать в деньги можно было диплом МГУ, но туда поступали в мое время люди из самых разных семей, с самым разным культурным капиталом. И уровень подготовленности моих однокурсников к учебе, их успеваемость в университете с сегодняшними их доходами взаимосвязаны слабо.

Однако означает ли это, что и у меня, и у моих респондентов, работающих в малооплачиваемых бюджетных отраслях, культурный капитал оказался абсолютно невостребованным? Отнюдь. Без таких профессионалов российская социальная сфера вообще не могла бы сохраниться, не то что функционировать. А она функционирует при всех противоречиях своего развития. Таким образом, индивидуальный культурный капитал приобретает общественное значение, становится культурным

капиталом общества. Ориентация на личностное и профессиональное развитие становится еще и экономическим фактом, так как заставляет специалистов с высшим образованием и невысоким уровнем дохода структурировать семейный бюджет таким образом, чтобы приобретать компьютеры, книги, пользоваться платными образовательными и медицинскими услугами. Этот вывод подтвержден на большом массиве данных [Шкаратан, Ястребов 2007; Очкина, Ястребов 2009].

Культурный капитал и самоидентификация личности

Нужно познать самого себя, если это и не поможет найти истину, то, по крайней мере, поможет хорошо направить жизнь, а в этом и заключается справедливость.

Б. Паскаль

Можем ли мы говорить, что культурный капитал, как характеристика индивидуальных качеств работника, его знания, представления, интересы, развитая занятиями личность, теряет ценность для него самого в том случае, если не влияет непосредственно на уровень заработной платы? Я могу на основе собственного опыта и обобщенной оценки значения образования, образованности и культурного уровня, данной моими респондентами, с уверенностью сказать, что такого индивидуального обесценения во многих случаях не происходит. При этом культурный капитал имеет для индивида (и, замечу, для общества) и очевидную практическую ценность – он является базой для развития профессиональных качеств, с одной стороны, и основой системы жизненных ценностей, наиболее подходящей для создания условий наполненной и интересной жизни. Социальная самооценка у профессионально состоявшихся респондентов может быть невысокой или двойственной, так как они не могут игнорировать низкий уровень оплаты своего труда. Но оценка жизненных достижений, качества жизни у них устойчиво выше, чем у людей с сопоставимым или даже более высоким уровнем дохода, но неудовлетворенных, не увлеченных своей работой или ориентированных преимущественно на материальные стимулы труда. С этой точки зрения небогатые учитель географии, врач и филолог представляют собой тот же или сходный социальный тип людей с точки зрения трудового потенциала и структуры социального поведения, что и преуспевающий бизнесмен, успешная предприниматель-экономист или среднеобеспеченная работница областного правительства. Между тем разница благосостояния у них существенная: учителя и бизнесмена, например, разделяет настоящая экономическая пропасть.

Социальная самоидентификация хорошо показывает, какие элементы культурного капитала люди считают значимыми с точки зрения объективированного успеха, насколько непротиворечивой они полагают систему критериев социального статуса и насколько субъективное ощущение собственного статуса совпадает с объективным.

Большинство респондентов в социальной самооценке ориентируются на ряд критериев, среди которых – доход, уровень образования, должность, образ жизни и уважение окружающих, связи и знакомства. В некоторых интервью респонден-

ты пытались определить свою социальную принадлежность независимо от уровня дохода. Женщина-врач 53 лет, не работающая в настоящее время по состоянию здоровья, отнесла свою семью к среднему классу, ориентируясь исключительно на образ жизни. Среднедушевой доход ее семьи – 6 тыс. рублей в месяц, есть дача и двухкомнатная квартира, компьютер, три цветных телевизора, мобильные телефоны у всех членов семьи, стиральная машина и микроволновая печь. Доходы семьи складываются из заработной платы мужа, социальных пособий и выплат. Дочь 22 лет замужем и живет отдельно. В определении социального статуса своей семьи, своей дочери и своих родителей эта респондентка ориентировалась на образ жизни, поясняя: «Живем как все, не бедно и не богато, не нищие какие-нибудь, но и не элита». Она исходила из упрощенного понимания социальной структуры, в которой интуитивно выделяла только асоциальные низы, богатую и обладающую властью элиту и многочисленные средние слои, к которым причисляла и себя. Такой своеобразный негативный способ социального самоопределения.

Учитель истории 45 лет, женщина, имеющая двоих детей (1990 и 1993 гг. рождения), в качестве определяющего признака социального статуса своей семьи выбрала уровень образования и согласно ему отнесла свою семью к среднему классу. Правда, она уточнила, что если ориентироваться на уровень дохода, то статус ее семьи ниже. «Между нижним средним классом, не понимаю, правда, что это такое, и низами. Низы – не бомжи и нищие, а те, кто почти ничего не может себе позволить, вынужден экономить на всем, жить в страхе перед будущим. В этом понимании мы, конечно, низы. Но раз все работают, учатся, есть где жить, то, наверное, мы этот самый нижний средний класс». Среднедушевой доход семьи – 4,5 тыс. рублей, у семьи есть дом с участком, в котором они живут. На этом же участке держат небольшое подсобное хозяйство – огород и кур. В семье есть автомобиль, телевизор, стиральная машина, холодильник, мобильные телефоны. Старшая дочь учится в вузе на платной основе, младшая занимается весьма дорогостоящим видом спорта – теннисом. Но очевидно, такой уровень жизни дается семье нелегко, что и приводит к двойственной социальной самооценке. В подобной ситуации при определении собственного статуса (что латентно для них является оценкой собственных жизненных достижений) респондент пользуется спасительной формулой «живем как все».

Интересен следующий случай социальной самоидентификации. Бизнесмен 50 лет имеет высшее строительное образование, получил в 1990-е годы второе высшее, экономическое, образование («нужно было для дела») и открыл в 1993 г. собственный бизнес. У него самый высокий среди всех моих респондентов среднедушевой месячный доход в семье – 75 тыс. рублей, высокий по масштабам Пензенской области. Бизнесмен придает большое значение своему финансовому успеху и относит свою семью к высшему слою. При этом данный респондент подчеркивает значимость для него собственно дела, именно своей профессиональной состоятельностью он измеряет свои жизненные достижения. Большой доход, высокий жизненный уровень выступают для него своего рода объективными показателями и доказательствами успешности и значимости его деятельности. Поэтому, причисляя свою семью к верхнему слою среднего класса, он и ориентируется на внешние обстоятельства: на уровень материальной обеспеченности, должность на

работе, связи и знакомства. Говоря же о своей жизни в свободной беседе и давая ей оценку, он останавливается подробно на том, как трудно ему далось налаживание своего дела. Как много он работает и сколько полезного делает для города (у него строительный бизнес), в частности сколько занимается благотворительностью. Можно предположить, анализируя запись интервью в целом, что респондент в определении социального статуса своей семьи ориентируется на критерии, которые считает объективными, точнее объективированными для общества. При свободной же оценке своих жизненных достижений он акцентирует внимание на том, что считает социально значимым, опираясь на свою систему ценностей.

Особенно выпукло этот случай выглядит в сравнении с другой историей: уже упоминавшегося учителя географии. Учитель прекрасно осознает свое социально-экономическое положение, которое откровенно называет бедностью. И тем не менее в его интервью нет жалобных интонаций, оно пронизано гордостью за свою профессию и любовью к ней. Учитель увлечен своими занятиями в кружке спортивного ориентирования, постоянно повышает свою квалификацию, считает знание географии необходимым каждому образованному человеку. Его интервью по эмоциональному настрою, уровню оптимизма и уверенности в себе очень напоминает интервью бизнесмена. Даже лексика похожа. Оба, оценивая свой статус и свою жизнь в целом, говорили о том, какое у них интересное, любимое и нужное дело. Единственный раз в интервью учителя прозвучало сожаление – когда он говорил об ограниченных возможностях путешествовать. «Я бы не хотел в Европу, много читал, смотрел в Интернете фотографии из музеев. А вот на остров Пасхи, вообще на острова Тихого океана, очень хотел бы попасть. С детства много читал и хотел бы физически ощутить, как это – находиться на острове». Даже если предположить, что оба не до конца искренни, подчеркивая значимость профессионального успеха для удовлетворения жизнью, то и в этом кроется весьма любопытный социальный факт. Они знают, что это – правильно, что такая позиция – почетна, и похоже, они считают ее естественной. Оба респондента схожи в оценке своего социального значения, но серьезно расходятся в оценке своего социального статуса. Бизнесмен отнес свою семью к верхнему, а учитель – к нижнему слою среднего класса.

Вообще $\frac{3}{4}$ респондентов отнесли свои семьи к среднему классу. Хотя и объясняли такую социальную самооценку разными причинами. Только три респондента из 50 в качестве единственного критерия социального самоопределения назвали доход. Остановлюсь подробно на этих трех жизненных историях. Продавец (51 год) разочаровалась в жизни, считает свою работу необходимой для того, чтобы как-то существовать. Она и с самого начала была ориентирована на статус, мнение окружающих («хотелось, чтобы было высшее образование, как у подруг»). Свою работу по специальности она оценивает по тем благам, которые она ей давала (зарботная плата, удобный режим и хорошие условия труда, предоставленные заводом квартира и дачный участок). После сокращения в 2001 г. женщина уже не пыталась найти работу по специальности, получить другое образование, сменить или повысить квалификацию. Остановилась на трудной, неинтересной, но приносящей доход работе. Сейчас доходы от ее деятельности значительно снизились, но она по-прежнему ничего не предпринимает, будучи, однако, крайне недовольна и зарплатой, и содержанием труда. Она сильно обеспокоена и даже подавлена своим социально-

экономическим положением, которое называет нищетой (среднедушевой доход в семье – 6 тыс. рублей в месяц). Переживания по поводу финансового положения семьи вызвали своего рода заикленность на материальных проблемах, заслонили значимость других критериев социального положения и жизненного успеха.

Следующая история – женщина-предприниматель (48 лет). Она высоко оценивает роль высшего образования (гуманитарного педагогического) в своей жизни, отмечая, что обучение в вузе помогло ей развить личность, помогло добиться благосостояния, позволило приобрести более высокий социальный статус. Она подчеркивает, что благодаря полученным знаниям самостоятельно освоила профессию экономиста-бухгалтера и сумела открыть в середине 1994 г. собственное дело: агентство бухгалтерских и аудиторских консультаций. По ее словам, хотя работа и отнимает у нее много времени и сил, она сделала ее обеспеченным человеком – это подчеркивалось в интервью в первую очередь. Эта женщина называет свою работу любимой, настоящим делом. В интервью респондент постоянно подчеркивала напряженность своей деятельности, говорила, что это настоящий риск и настоящий вызов. В ее ответах явно звучит гордость за свое благосостояние, которым она обязана только себе. (Основной мотив ее рассказа – «мне никто не помогал, все сама». Даже признавая, что родители содержали ее во время учебы, женщина подчеркивает: «Они обеспечивали мне минимум, если я хотела большего – отдохнуть летом, шмотку новую купить, – то знала, что зарабатывать нужно самой, и я зарабатывала. Я и репетиторствовала, и в стройотряды ездила, даже к соседке ходила убираться».)

Гордость эта, однако, соседствует с явной тревожностью, в каждой фразе сквозит напряжение. Женщина ощущает постоянную ответственность за детей, уже взрослых (29 и 25 лет) и вполне самостоятельных, но которые, по ее словам, ничего не добились бы без ее помощи и до сих пор на нее рассчитывают. Она видит свой долг в помощи родителям, которые без нее не смогли бы поддерживать нынешний уровень жизни. При этом респондентка признает, что многие управленческие решения, особенно чреватые конфликтами с подчиненными, даются ей с большим трудом. Правила игры в бизнесе также являются для нее источником постоянного напряжения. Замечу, что я не раз отмечала высокую степень тревожности у преуспевающих женщин, особенно одиноких (а опрашиваемая мною – давно разведена) [см., например, Очкина 2008]. Ответственность за материальное благосостояние семьи понуждает их интенсивно работать, что приводит к нехватке времени для дома, занятий с детьми и т. д. Возникает чувство вины перед детьми. Вот почему такие респонденты часто апеллируют к своему высокому доходу, видя в нем оправдание пренебрежению семейными обязанностями. Тем не менее к своим главным жизненным достижениям респондент относит не доходы от предприятия, не свою обеспеченность, а тот факт, что «все с нуля создала, многим работу дала в отчаянное время, да и профессионально я почти все сейчас могу».

Третий случай – библиотекарь (55 лет). Это одна из немногих горожанок во втором поколении, а интеллигентка (по крайней мере, со стороны матери) – в третьем. Родительская семья респондентки имела культурные традиции, профессию (учительница начальных классов) она выбирала сама, ориентируясь на свои интересы и увлечения. Проработала в школе более тридцати лет, потом ушла работать

в центральную библиотеку города. Работу свою любит, гордится ею, энергично отмечает предположения о ее рутинности и неинтересности. Она работает в отделе новых поступлений, много читает, в курсе всех книжных новинок. Имеет дочь 26 лет, которую растила одна. Дочь работает в художественной школе и получает очень маленькую заработную плату, ориентируясь на которую респондентка причисляет свою дочь к нижнему среднему классу, как и себя, поясняя это тем, что доход очень невелик (на двоих с дочерью – 14 тыс. рублей в месяц). Причисляя себя к нижнему слою среднего класса, женщина добавляет: «А вообще, все образованные в семье». Свою зарплату она рассматривает как неоправданно низкую оценку обществом образования и квалифицированного труда, считает, что тем самым ей обществом приписан низкий социальный статус. В этом интервью отчетливо прозвучал мотив социальной несправедливости, связанной с заниженной и неадекватной оплатой квалифицированного и полезного труда.

Таким образом, в этих трех случаях мы видим сосредоточенность респондентов на уровне дохода, как доминирующем факторе социальной самоидентификации, вызванную тремя различными причинами: разочарованием, тревожностью и чувством несправедливости со стороны общества.

Обобщая все случаи социальной самооценки, мы можем сделать вывод о явном противостоянии дохода другим критериям социального статуса в сознании респондентов. Это противоречие не устраняется с ростом дохода, а только видоизменяется. Так, при низком доходе возникает ощущение двойственности статуса, противоречивости его критериев, часто звучат мотивы социальной несправедливости, намного реже – мнения о незначимости оплаты труда как критерия статуса. При относительно высоком доходе акцент в социальном самоопределении делается, как правило, на содержании труда и его большом социальном значении. Особенно подчеркиваются эти элементы социального статуса при определении важнейших жизненных достижений, которые никто из респондентов, имеющих относительно высокий уровень благосостояния, не свел к уровню дохода.

Отношение к профессии и признание ценности культурного капитала родители стремятся передать детям. Позиции респондентов относительно воспитания и карьеры детей, основанные на представлениях о необходимости образования и развития способностей, становятся социально-экономическим фактом: уровень образования родителей – более значимый фактор для получения детьми высшего образования, чем даже уровень дохода семьи [Очкина, Ястребов 2009].

Успешные со всех точек зрения (и профессионально, и финансово) родители ориентированы на то, чтобы дети были хорошо подготовлены к удачной карьере. Среди дополнительных занятий во время школьного обучения предпочтение отдается иностранным языкам, спорту, художественному творчеству, подготовке к поступлению в определенный вуз. Выбор профессии представляет собой компромисс между интересами детей, престижностью и доходностью профессии. Родители с престижными и доходными занятиями включают детей в систему своих социальных связей, в свой бизнес. Стремление к сохранению того или иного вида преемственности – в профессии, в области знаний – характерно для многих семей, где родители увлечены своей профессией. Большинство респондентов отметили, что много занимались своими детьми. Только некоторые из них – те, которые тяготятся

работой, в чьих интервью звучит разочарование и отсутствие увлеченности, – признали, что полностью полагались на общественную систему воспитания. В большинстве же семей детьми занимались более или менее последовательно, активно пользовались услугами дополнительной системы образования, следили за развитием, обучением и последующей карьерой детей. Эта модель для основной массы моих респондентов – новая, в своей родительской семье большинство из них с ней не сталкивалось. Это связано прежде всего с тем, что большинство моих респондентов – интеллигенты и горожане в первом поколении.

Проблема деградации культурного капитала семьи в современной России

Удастся ли индивиду вроде Рафаэля развить свой талант, – это целиком зависит от спроса, который, в свою очередь, зависит от разделения труда и от порожденных им условий просвещения людей.

К. Маркс

Есть еще один фактор, который способствует усилению значения семьи в воспитании и развитии детей и, следовательно, возрастанию влияния культурного капитала семьи на развитие карьеры и вообще жизненного пути детей. Это – обеднение информационно-культурной среды, в которой дети развиваются, и которой родители, школа и вуз должны противостоять. Я имею в виду ширящееся господство многоликой, агрессивной и низкопробной массовой культуры, которой наши дети вряд ли могут противостоять самостоятельно. Сейчас уже видно, что и школа, и вуз проигрывают в борьбе с ней за умы и души молодежи. Остается семья. Но, к сожалению, следует отметить, что культурный капитал семьи претерпевает в настоящее время трансформации, которые могут привести к его деградации, вырождению.

Могу отметить три основных типа деградации культурного капитала семьи. Во-первых, редуцирование всего многообразия культурного капитала семьи, ценность которого (именно как целого), как мы видели, не оспаривается большинством респондентов, к определенному набору профессиональных знаний и навыков. Возникает очевидное противоречие, когда сами респонденты выше всего оценивают такие преимущества высшего образования, как расширение кругозора, появление разнообразных увлечений, развитие навыков мышления и формирование мировоззрения, – и вместе с тем стремятся развить у своих детей прежде всего те навыки, снабдить их теми знаниями, которые необходимы им для карьеры и даже (откровеннее и грубее) – для зарабатывания денег. Сильнее всего такие тенденции развиты в обеспеченных семьях. Это связано с доминантой дохода в мотивации родителей и поддерживается тенденциями в развитии системы образования, из которой выдавливаются содержательные, развивающие элементы.

Второй тип деградации культурного капитала семьи – вырождение среды как развивающего и стимулирующего личностный интеллектуальный рост фактора, в систему социальных связей как условия поддержки, порой прямой протекции. Эта тенденция усиливается там и тогда, где и когда рынок труда предъявляет спрос не собственно на знания и креативные способности, а на диплом о

высшем образовании, где количество мест с пристойной зарплатой ограничено, а значение неформальных групповых, родственных и местечковых связей высоко. В провинциальном городе в сфере образования, здравоохранения, банковской сфере, рекламном бизнесе, журналистике и некоторых других сферах эти явления выражены довольно сильно.

И наконец, в-третьих, в тех семьях, где сохраняются культурные традиции и уверенность в значимости личной культуры и образованности (в широком смысле), очень часто возникают проблемы с воспроизводством культурного капитала в полном объеме из-за недостатка материальных средств. Покупка книг и дисков, путешествия, концерты и спектакли – все это часто оказывается недоступным. Конечно, в небогатых образованных семьях структуру потребления стремятся привести в соответствие существующим культурным запросам за счет сокращения даже некоторых необходимых расходов (на еду, одежду). Но часто ограничения бывают слишком жесткие. Сталкиваются две неблагоприятные тенденции: сосредоточение все большей части забот и трат, связанных с воспитанием детей, в семье, с одной стороны; а с другой – постоянное удорожание услуг в сфере образования и культуры в связи с их коммерциализацией.

Понятие культурного капитала противоречиво, его элементы по-разному оцениваются индивидом, обществом и рынком. Сохранение и использование тех или иных элементов культурного капитала семьи – это выбор, с которым сталкивается каждый человек. И результаты этого выбора, а следовательно, содержание и объем культурного богатства семей, становятся характеристиками их благосостояния или образа жизни. Но эти характеристики непосредственно формируют систему ценностей, мотивацию социального поведения, структуру потребления людей, а значит, и создают общество определенного качества. Чем меньше возможности и желания у семей копить и совершенствовать свои культурные традиции и богатства, тем, получается, общество в целом становится беднее.

Бедность культурной жизни, редуцированная система ценностей, низкая гражданская и творческая активность людей – это такие же объективные и тревожные показатели кризиса общества, как нестабильность финансовой системы, падение производства, дефицит бюджета – показатели экономического кризиса.

Говоря образно, я сама между Гегелем и банком выбрала Гегеля. То есть – научный поиск и преподавание, невзирая на несопоставимость денежных вознаграждений. Я не считаю себя проигравшей, а вот наше государство рискует раз и навсегда закрыть для себя путь к подлинному инновационному развитию, побуждая своих граждан пренебрегать Гегелем и стремиться в банки, овладевая скудным набором необходимых знаний и навыков.

Вместо послесловия

Я стремилась конкретизировать понятия социального капитала, социальной мобильности и жизненного успеха через содержание сложившихся в нашем обществе представлений о социальном статусе и его составляющих. Анализируя характер культурного капитала российских семей, я старалась подчеркнуть значимость социальной самоидентификации, а также тех базовых ценностей и целей (с помо-

стью которых россияне оценивают свои жизненные достижения и на которые ориентируются, готовя детей к самостоятельной карьере) для понимания социального поведения и стратегий социальной мобильности. Однако нужно сказать, что для эффективной реализации культурного капитала необходима определенная гармония субъективных и объективных факторов его формирования и воспроизводства. Конечно, человек, не мотивированный содержанием труда значительно больше, чем материальными факторами, во многих социально значимых и творческих профессиях неэффективен; ориентированный только на зарплату и материальные блага – социально опасен. И один из самых больших подарков советского периода современной России – сформировавшееся представление о профессиональной состоятельности, соответствии работы интересам и склонностям, как о значимых, а порой и ведущих факторах не только трудовой мотивации, но и социального поведения в целом, как о мериле жизненного успеха. Однако это все же не бездонный ресурс, если только не создаются и не совершенствуются социальные институты, способные постоянно развивать и поддерживать такую мотивацию и предъявлять спрос на реальные знания и подлинный профессионализм.

Литература

- Артамонова М.В., Богословская О.В., Латов Ю.В. Институциональные трансформации российского образования // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 3.
- Берто Д., Берто-Вьям И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. № 2, 3.
- Бурдье П. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Бурдье Пьер, Пасрон Жан-Клод; [пер. Н.А. Шматко]. М.: Просвещение, 2007.
- Качественные методы. Полевые социологические исследования // Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А; под ред. И. Штейнберга. Спб.: Алетейя, 2009.
- Очкина А.В. Высшее образование в структуре мотиваций молодежи в современной российской провинции // Альтернативы. 2004. № 4.
- Очкина А.В. Россия сегодня: страсти по среднему классу // Альтернативы. 2006. № 4.
- Очкина А.В. Концепция изменилась? По следам российских реформаторов от образования // Левая политика. 2007. № 1.
- Очкина А.В. Опять про это... Любовь и выборы // Левая политика. 2008. № 3, 4.
- Очкина А.В., Ястребов Г.А. Культурно-образовательные стратегии семей в России в контексте инновационного развития // Доклад на X Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. ГУ ВШЭ, 7–9 апреля 2009 г. (рукопись).
- Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. 2007. № 3.